

"Фортуновский сборник" содержит изложение материалов конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы (МЛШ). Конференция проходила 17–20 октября 1995 года. Наряду с работами московских языковедов, в сборнике представлены работы лингвистов из Санкт-Петербурга, Казани, Новгорода, Тарту, Тулы, Махачкалы, Екатеринбурга, Красноярска и других городов.

Сборник содержит как статьи выдающихся ученых старшего поколения, так и материалы нового поколения исследователей. Особого внимания заслуживают впервые опубликованная статья А.А. Реформатского "МФШ (Московская фонологическая школа)" и план-программа М.В. Панова "Московская фонологическая теория сегодня", отражающая основные направления фонологических исследований. Программа органически завершает сборник, намечая перспективы дальнейшей научной работы в области фонетики и фонологии.

Рождение МЛШ принято относить к 1897 году, поскольку именно в это время вышли труды Ф.Ф. Fortunatova, ознаменовавшие новую веху в истории развития науки о языке. Главным в концепции Ф.Ф. Fortunatova было понимание языка как системы отношений между единицами и учение о форме слова, которая понималась как "способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова" [Fortunatov 1956: 137].

По этой причине Московская лингвистическая школа, называемая также ф о р т у н а т о в с к о й, нередко обозначается как Московская ф о р м а л ь н а я ш к о л а. Отличительная черта этой школы – гла-

венство системы отношений между языковыми единицами над материальными их сходствами и различиями, собственно языковых связей над внеязыковыми. "Когда возникает конфронтация между материальной данностью и функциональными сближениями, – указывает М.В. Панов, – фортуновцы выбирают функцию" [Панов 1995: 10]. Более того, "пафос научных исследований Ф.Ф. Fortunatova – поиски тех отношений между единицами языка, которые определяют функционирование единиц" [там же: 15]. Отсюда еще одно название школы – М о с к о в с к а я ф у н к ц и о н а л ь н а я ш к о л а.

В центре лингвистических исследований Московской школы стоит изучение фонологического яруса языка. Наиболее последовательно основные принципы и положения МЛШ были продемонстрированы в области фонологии. Концепция Московской фонологической школы, становление которой можно отнести к 30–40-м годам XX века, является основополагающей в научном наследии Московской лингвистической школы. Не случайно в нескольких статьях сборника приводятся слова Р.И. Аванесова: "Фонология не только область языкознания, но и способ лингвистического мышления, элемент лингвистического мировоззрения" [Аванесов 1974: 8]. Именно так понимается фонология в Московской формальной (фортуновской, функциональной, фонологической) школе (МФШ).

Сказанное объясняет как видное место, которое занимает в сборнике раздел "Фонетика. Фонология", так и обращение к основным положениям фонологии не только в указанном разделе, но и в большинстве других. В разделе "Морфология" само за

себя говорит название статьи Л.Н. Булатовой "О московской фонологической теории с позиций морфолога". Эпиграфом к этой статье взяты слова из дневника 1975 г. А.А. Реформатского: "Сейчас болею морфологией. Но, конечно, на базе фонологии". В этом же разделе в статье Ю.П. Князева "Сильные и слабые позиции видового противопоставления" ставится задача воспользоваться "ключевой для Московской фонологической школы" «идеей различения "сильных" и "слабых" позиций» для того, чтобы отразить "различия в степени противопоставленности грамматических единиц и в то же время связать их с присутствием (или отсутствием) соответствующих элементов в окружении этих единиц" (с. 135).

Среди статей, объединенных общей рубрикой "Языковые подсистемы. Стилистика", есть статья Е.А. Некрасовой "О понятии сильной и слабой позиции в лингвистилистике", где автор, руководствуясь идеями В.Д. Левина и М.В. Панова, использует фонологические представления о сильной и слабой позиции применительно "к сфере действия ряда тропов в стихотворной речи" (с. 203). В разделе "Диалектология. История языка" Н.Н. Пшеничнова (статья "Аванесовские традиции Московской диалектологической школы") показывает, что фонологическое мышление Р.И. Аванесова "не могло не отразиться на идеях, которые легли в основу диалектологической теории" Московской диалектологической школы (с. 223–224).

Разумеется, с фонологией так или иначе не могут не быть связаны остальные разделы сборника: "Орфография", "Общие вопросы лингвистической теории", "Лингвистическая теория в школе и в вузе", "Из истории МЛШ". Таким образом, вполне закономерным является обозначенное в конце сборника М.В. Пановым направление лингвистических исследований, связанное с «изучением грамматики методами "московской" фонологии» (с. 347)¹.

В "Фортуновском сборнике" рассматриваются и по-новому освещаются самые разные лингвистические проблемы. К числу их относятся описание единиц, формирующих языковые ярусы; межъярусные связи в языке; типы чередований языковых единиц и анализ позиционных условий их реализации; нейтрализация; проблема признаков языковых единиц; разграничение понятий системы и структуры языка; соотношение

сегментной и суперсегментной фонологии; типы научно-лингвистической транскрипции.

«Главное в МФШ, — отмечает О.С. Широков в статье "Принципы и методы МФШ в применении к разным ярусам различных языков", — это учение о разного рода чередованиях... в которых проявляются структурные... связи разных языковых явлений» (с. 248). Соответственно одним из центральных понятий в МФШ является понятие позиции, которая определяет результаты чередования языковых единиц.

Разбору понятия позиции, характеристике и классификации типов позиций посвящены многие статьи сборника. Применительно к сегментной фонетике этот вопрос особенно детально рассматривается в статьях М.Л. Каленчук "О расширении понятия позиция" и Р.И. Лихтман "О фонетической позиции".

М.Л. Каленчук обращает внимание на ситуации, когда одна и та же фонема реализуется разными звуками в одной и той же фонетической позиции "в случаях синхронного сосуществования орфоэпических вариантов: *е[с'л']и* и *е[сл']и*, *ра[ш'ч']есать* и *ра[ш:]есать*" (с. 27), и делает вывод, что "в формулировку позиции надо включать любые языковые факторы, способные предопределять реализацию фонемы тем или иным звуком — фонетические, лексические, грамматические, словообразовательные, графические" (с. 31). В статье ставится задача создания принципов вероятностной фонологии в целях адекватного описания русского произношения.

Классификация позиций, данная Р.И. Лихтман, предполагает различение собственно фонетических, фонетико-морфологических, фонетико-грамматических и фонематических позиций. В фонетико-морфологических и фонетико-грамматических позициях фонетическое воздействие на реализацию фонемы корректируется соответственно морфонологическими и грамматическими факторами. Выделение фонематической позиции является абсолютно новым положением и позволяет адекватно описать результаты позиционной мены звуков, обусловленные не фонетическим, а фонематическим (фонемным) окружением. К числу их, с точки зрения автора, относится, например, позиционная мена твердых согласных на мягкие перед реализациями фонемы (е).

Противопоставление фонетических и фонематических позиций дает возможность объяснить отмеченное А.А. Реформатским

¹ Во многих аспектах эта задача уже решена в книге М.В. Панова "Позиционная морфология русского языка" (М., 1999).

произношение [зф] в словах типа *трезв*, *резв*, а также произношение [зк] в словах типа *брызг*, *виzg*. Реализация ⟨з⟩ во всех этих случаях имеет место перед глухими звуками, но перед звонкими фонемами ⟨в⟩ и ⟨г⟩. Значит, она "обусловлена следующей фонемой вопреки реализующему ее аллофону" (с. 37).

В статье Л.Л. Касаткина "Парадокс П.С. Кузнецова – М.В. Панова. Фонема или морфонема?" проблематика позиций и позиционного чередования звуков рассматривается применительно к ситуации, когда перестает действовать фонетическая закономерность, однако по-прежнему действует фонетическая модель. Подобное явление встречается как в диалектах, так и в современном русском литературном языке. В последнем случае в качестве примера приводятся чередования ударных и безударных гласных после шипящих и мена твердых согласных на мягкие перед ⟨е⟩. Л.Л. Касаткин указывает, что процесс перехода фонетических позиций в морфологические может быть длительным. На промежуточном этапе чередование звуков, относящихся к одной фонеме, переходит в чередование звуков, реализующих разные фонемы, однако оно может быть обусловлено не морфологической позицией, а "фонетической моделью, то есть позицией фонетической" (с. 24). Для описания этого лингвистического явления Л.Л. Касаткин предлагает по-прежнему использовать понятие морфонемы, подчеркивая, однако, что она отличается от морфонемы в общепризнанном смысле тем, что "ее место – в фонологии" (с. 25), а не в словообразовании или морфологии. Стремление избегать ввода собственной терминологии характерно для представителей Московской лингвистической школы. Как отмечает М.В. Панов, «это обычай большинства "московских" лингвистов: остерегаться нагромождения научных слов» [Панов 1995: 10]; по этой причине сделанные открытия нередко оставались незамеченными. В последующих работах Л.Л. Касаткина появляется новое терминологическое обозначение. Совокупность звуковых единиц, чередование которых связано с продолжением действия фонетической модели, ученый называет суперфонемой (см., например [Касаткин 2000]).

Понятие позиции рассматривается в сборнике и применительно к суперсегментной фонетике в статье Г.Н. Ивановой-Лукияновой "О позициях в интонации". Позицией при описании интонации автор считает лексико-грамматический

состав фразы. С опорой на работы Е.А. Брызгуновой в статье выдвигается понятие интономы, которая определяется как единица, представленная "рядом позиционно чередующихся интонационных конструкций" (с. 46). Сильной позицией для интономы является такая, в которой влияние лексико-грамматического состава фразы на интонацию отсутствует. "В этом случае синтаксическое значение фразы выражается только с помощью интонации" (с. 42); значит, создаются условия для проявления смысло-различительных возможностей интонационных конструкций. Слабая позиция для интономы – это такая, в которых значение фразы выражено лексико-грамматическими средствами. В этом случае интонация играет сопроводительную роль и имеет место нейтрализация интономы. При таком подходе описание функционирования суперсегментных единиц соотносимо с описанием функционирования сегментных единиц и полностью соответствует основным положениям МФШ.

Понятие позиции рассматривается в "Фортуновском сборнике" не только в разделе, связанном с фонетикой и фонологией, но и в статьях, посвященных вопросам морфологии, словообразования, стилистики, диалектологии, теории языка. Оно тесно связано с понятием нейтрализации, подробному разбору которого посвящена статья В.К. Журавлева "Московская лингвистическая школа и теория нейтрализации".

В ряде статей освещается вопрос о месте фонетической системы в общем ярусном устройстве языка. Ее связь с системами значимых единиц подчеркивается в статье К.В. Горшковой "Типы научно-лингвистических транскрипций как отражение развития теоретических идей МФШ". Автор пишет, что фонетическая система, "оставаясь несемантизированной, получает основания входить в структуру языка именно благодаря своей структуре, идентичной структурам значимых единиц – прежде всего морфологической" (с. 10). Этот вывод вытекает из наличия у фонемы в русском языке парадигматического устройства: "фонема структурирована так же, как структурированы значимые единицы... языка" (там же).

В ином аспекте тот же вопрос рассматривается в статье Л.Н. Булатовой, которая считает, что московская фонологическая теория является оптимальной базой для описания морфологического строя языка. Именно с позиций МФШ возможно развести по разным уровням обусловленные

и не обусловленные фонетической позицией различия в звуковом виде грамматических аффиксов. В рамках московской концепции фонем "интуитивно ощущаемое и признаваемое морфологами разных направлений" тождество и нетождество флексий (ср. *женой* и *женщиной*, *ткачом* и *царевичем*, с одной стороны, *глухой* и *тихий* – с другой) "получает теоретическое обоснование": в одном случае фонемный состав одинаков, в другом – различен (с. 110–111).

К числу наиболее важных и неоднозначно решаемых в концепции МФШ проблем относится проблема статуса основной единицы, формирующей фонетическую систему. Ей, наряду с уже упомянутой статьей К.В. Горшковой, посвящены статьи Л.Э. Калыных "Опыт критики концепции МФШ", К.Ф. Захаровой «"Слабые" фонемы предупредного вокализма в русских говорах», В.В. Иванова "Еще раз о фонемном статусе звуковой единицы в фонологически слабых позициях". При этом в статье К.Ф. Захаровой указана проблема рассматривается в ходе анализа звуковых систем русских диалектов.

В статье Е.А. Брызгуновой "Общее и специфическое в сегментной и суперсегментной фонологии (на материале русского языка)" разграничиваются понятия единицы и средства в области сегментной и суперсегментной фонологии. При этом под единицей понимается "некоторая языковая сущность, обладающая протяженностью и способностью линейно сочетаться с другими одноуровневыми сущностями" (с. 86). Сказанное позволяет как смысловозначительные единицы рассматривать фонемы и интонационные конструкции (соответственно в сегментной и суперсегментной фонетике), а как средства – словесное ударение, центр ИК, место синтагматического членения. Следует особо отметить, что Е.А. Брызгуновой впервые был поставлен вопрос о различении единиц и средств в суперсегментной фонологии. В то же время автор указывает на то, что каждая единица одновременно является и средством, но не наоборот.

Особое место в сборнике занимает проблема признаков языковых единиц. В разделе "Фонетика. Фонология" К.В. Горшковой поставлена задача разработки учения о дифференциальных признаках фонем. Частично ее решение дается в статье О.С. Широкова (раздел "Общие вопросы лингвистической теории"), где показано, что "подобно тому как... альтернанты... объединяясь в одну фонему, выстраиваются в цельную пара-

дигму, так и составляющие эту фонему признаки можно представить в виде парадигмы..." (с. 253)..

Проблема признаков рассматривается и применительно к другим языковым единицам. Так, в разделе "Словообразование" в статье «Опыт логико-семантического анализа префиксальных глаголов (на примере глагола "подслушать")» Н.Б. Лебедева исследует структуру глагола на основе двух признаков: «каузированности/спонтанности ситуации подслушивания и степени "заинтересованности", коррелирующей со степенью "закрытости" информации, нежелательности в подслушивании со стороны Говорящих» (с. 171).

Специальный раздел "Орфография" посвящен осмыслению теоретических основ русского письма. В статье С.М. Кузьминой "Теория письма и Московская фонологическая школа" показана зависимость типа фонографического письма от характера фонетической системы языка, отсутствия или наличия в ней пересекающегося (т.е. приводящего к нейтрализации) типа позиционной мены звуков. Автор формулирует основные задачи по усовершенствованию русской орфографии и указывает, что МФШ "служит научной базой для оценки действующих и альтернативных правил" (с. 97).

В числе проблем грамматики, рассмотренных в сборнике, следует назвать проблему проявления тенденций к аналитизму и агглютинативности в русской грамматической системе (статья М.Я. Гловинской "Тенденция к аналитизму в языке массовой коммуникации"), анализ некоторых закономерностей взаимодействия грамматических категорий в русском языке (статья В.С. Храковского "Взаимодействие залога с лицом и числом при пассивном преобразовании"). Проблемам словообразования наряду с уже упомянутой статьей Н.Б. Лебедевой посвящены статьи М.А. Кронгауза "Приставочный сценарий для глагольной основы" и З.И. Резановой "Семантика и функции деепричастия в словообразовании".

Изучение стилистики в рамках Московской школы имеет давнюю традицию и восходит к имени А.М. Сухотина. В "Фортунатовском сборнике" раздел "Языковые подсистемы. Стилистика" содержит целый ряд статей, в которых разрабатываются ключевые положения МЛШ.

Статьи Е.В. Красильниковой "Эстетические качества разговорной речи" и Л.А. Гликиной "К проблеме изучения разговорной речи в ретроспекции" написаны с опорой на концепцию М.В. Панова о

разграничении кодифицированного литературного языка и разговорного языка в целях исследования особенностей разговорного языка как самостоятельной языковой системы [Панов 1979: 218–221]. Статья Е.В. Красильниковой посвящена описанию эстетического фактора в реализации русской разговорной речи, а статья Л.А. Глинкиной – отражению специфики разговорного языка в исторических письменных памятниках.

В статье Г.Г. Гиздатов "Судебные речи XIX и XX вв. как феномены истории языка и культуры (в контексте идей поэтики А.А. Реформатского)" отличительные черты судебных речей российского пореформенного суда и суда советского периода выявляются на базе основных положений поэтики А.А. Реформатского. Об этом свидетельствует и подзаголовок к статье. Исследованию антиному диглоссии/полифонии в политическом дискурсе посвящена статья М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой "Современная политическая коммуникация: тенденции развития".

Авторы сборника неоднократно обращаются к связям Московской лингвистической школы с другими направлениями лингвистики, сходным чертам и различиям, которые существуют между ними. Наиболее близким к МЛШ направлением принято считать генеративную лингвистику. Общим и специфическим чертам в подходе к анализу фонетической системы языка в рамках этих двух школ посвящена статья Ю.С. Кудрявцева "МФШ и ее дочерняя ветвь – порождающая фонология". В статье отмечается главное, что объединяет МФШ и генеративизм: «постулируется принцип не тождества первоначальной записи ("глубинной структуры") и поверхностного облика морфемы» (с. 268). При этом МФШ возникла намного раньше, чем генеративная лингвистика, возникновение которой принято датировать 1957 годом (выход в свет "Синтаксической структуры" Н. Хомского). Ю.С. Кудрявцев подчеркивает, что к моменту "возникновения генеративизма" мировая фонология имела только одну школу, "осмеливавшуюся утверждать", что между фонемой и ее реализацией в речевой цепи может отсутствовать физическое (артикуляционно-акустическое) соответствие. Этой школой была МФШ (с. 267).

По мнению Ю.С. Кудрявцева, "порождающая фонология явилась результатом согласования одного из принципов МФШ с общей теорией порождения речи, выдвинутой Нозом Хомским" (с. 268). В то же время он обращает внимание на главное

отличие порождающей фонологии от МФШ: "В теории Хомского... фонологические, морфонологические и морфологические факты не разграничиваются" (с. 269). Действительно, сильной стороной МФШ всегда было строгое разграничение фонетических и нефонетических чередований звуковых единиц. Оно восходит к работам И.А. Бодуэна де Куртене, поставившего задачу отделения "дивергентов" от "коррелятивов подвижных": "... дивергенты зависят от антропофонических условий, а коррелятивы подвижные от условий морфологических" [Бодуэн де Куртене 1963: 118].

Немало статей сборника посвящено осмыслению теоретического наследия Московской лингвистической школы. Особенно частым оказывается обращение к трудам Ф.Ф. Фортунатова. Работа по реформированию русского правописания начала XX в. осмысливается в свете сегодняшних проблем русской орфографии в статье Т.М. Григорьевой "Орфографические уроки Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова".

С опорой на научные положения Ф.Ф. Фортунатова, М.Н. Петерсона, А.И. Смирницкого, А.А. Реформатского в статье "Методы типологическо-контрастивных сопоставлений в московской формальной школе (от Фортунатова до Реформатского)" А.В. Широкова проводит сопоставительный анализ действия в русском и английском языках двух основных тенденций, определяющих изменения грамматической системы любого языка: "тенденции флективно-фузионной и тенденции агглютинативно-аналитической" (с. 289). А.А. Аминова и Л.А. Андромонова в статье "Ф.Ф. Фортунатов и вопросы преподавания лингвистической теории" подчеркивают значение концепции Ф.Ф. Фортунатова в области преподавания русской грамматики "в современных условиях, когда на территории России функционирует целый ряд государственных языков и преподавание русского языка ведется в многоязычной аудитории" (с. 315).

Ряд статей сборника посвящен судьбе основоположников МФШ. В статье "Владимир Николаевич Сидоров" С.Н. Борунова не только рассказывает о последних годах жизни ученого, но и дает изложение некоторых его идей, которые до сих пор не нашли полного отражения в печати. В частности, приводятся рассуждения В.Н. Сидорова о механизме действия фонетических законов, рассматривается его положение о гиперфонеме и ее принципиальном отличии от архифонемы в понимании Пражской фонологической школы. Эти и другие

мысли В.Н.Сидорова являются исключительно ценными для последующих поколений лингвистов. Воспоминаниям о Петре Саввиче Кузнецове посвящена статья В.М. Алпатова, а воспоминаниям о Рубене Ивановиче Аванесове – статья Л.Н. Булатовой.

К числу достоинств "Фортуноватовского сборника" относится наличие раздела, связанного с практической направленностью теории МЛШ, ее использованием в школьном и вузовском учебном процессе – "Лингвистическая теория в школе и в вузе". В статье Л.Б. Парубченко "Научная теория и школьная практика" последовательно показана роль концепции МЛШ в обучении правописанию: "занимаясь правописанием, нужно изучать не правописание, а то, чем оно обусловлено: отношениями слова с другими словами на лексическом, фонетическом и грамматическом уровне..." (с. 299). В этом случае учебник ориентирован не на "науку как совокупность знаний", а на "науку как понимание" (с. 299). Последняя ориентация характеризует учебники русского языка, написанные под руководством М.В. Панова.

В статье "Образовательный потенциал концепции МФШ" М.И. Задорожный останавливается на вопросе об изучении системы фонематической транскрипции на основе концепции МФШ в вузе. Практическая работа автора со студентами свидетельствует о том, что транскрибирование по МФШ не только помогает получить адекватные знания о звуковом строе языка, но и развивает навыки логического мышления.

Интересен опыт факультатива по русской диалектологии в средней школе, отраженный в статье И.А. Букринской и О.В. Кармаковой "Новая лингвистическая дисциплина в школьном курсе". Существенно, что по данному курсу создано учебное пособие "Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас" (М., 1994).

Нельзя не выразить сожаления, что в сборнике почти не нашла отражения проблема разработки методологии обучения произношению неродного языка на базе концепции МФШ. Данная проблема лишь упомянута в статье М.И. Задорожного. Между тем соответствующие концептуальные установки были заложены уже в 60-е годы в трудах А.А. Реформатского, а позднее получили теоретическое и практическое развитие в работах целого ряда лингвистов.

Большинство статей сборника посвящено анализу систем русского литературного языка и русских диалектов. Вопрос об анализе других языковых систем только поставлен в общем виде в статье О.С. Широкова и применительно к грамматическому аспекту языковой системы рассматривается в статьях А.В. Широковой, а также А.А. Аминовой и Л.А. Андрамоновой.

Иногда высказывается мнение, что теория МФШ плохо применима к анализу языковых систем, устроенных иначе, чем современный русский литературный язык. Безусловно, это не так. Описание различных языковых систем с позиций Московской лингвистической школы уже проводилось, например, в работах О.С. Широкова и А.В. Широковой. Это применительно ко многим языкам сделано в учебнике О.С. Широкова "Языковедение. Введение в науку о языках", который в настоящее время находится в печати.

Несомненно, отсутствующие в "Фортуноватовском сборнике" аспекты исследования будут отражены в последующих сборниках статей, объединяющих сторонников Московской лингвистической школы. В целом сборник исключительно интересен для широкого круга лингвистов – научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов. Каждая из его статей найдет своего читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. 1974 – Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
Бодуэн де Куртенэ И.А. 1963 – Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
Касаткин Л.Л. 2000 – Взгляды Московской и Пражской фонологических школ как взаимодополняющие в общей теории фонемы // Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия. Тезисы докладов. Красноярск, 2000.
Панов М.В. 1979 – Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
Панов М.В. 1995 – Московская лингвистическая школа. 100 лет // Русистика сегодня. 1995. № 3.
Фортуноватов Ф.Ф. 1956 – Избранные труды. Т. I. М., 1956.

Е.Л. Бархударова